

Госпожа Цзян, казалось, всё ещё не была уверена, и снова напомнила:

— Обращайся с ним хорошо.

Господин Цзян, поглаживая бороду, внимательно осмотрел Ся Суйцзиня с головы до ног, а затем улыбнулся с одобрением.

Ся Суйцзинь подумал: «Что это за семья? ... Сватовство?»

Его тут же охватил ужас.

Что было ещё страшнее, так это то, что госпожа Цзян сама приготовила обильный ужин и усадила Ся Суйцзиня и Цзян Лю по бокам от себя, постоянно подкладывая им еду.

Тарелка Ся Суйцзиня превратилась в гору еды. Он невольно поднял голову и увидел, что Цзян Ань сидит один, ковыряя рис в своей тарелке.

Господин Цзян отчитал его:

— Не порть еду.

Цзян Ань угрюмо буркнул:

— Ладно.

И, быстро проглотив несколько ложек риса, сказал:

— Я наелся, пойду встречусь с друзьями.

Госпожа Цзян сразу же нахмурилась и недовольно сказала:

— Ты столько времени не видел старшего брата, неужели не можешь посидеть с ним подольше? Вечно ты болтаешься с этими подозрительными друзьями, кто для тебя семья?

Цзян Ань ответил:

— У меня есть старший брат, и этого достаточно. Я — никто.

С этими словами он злобно взглянул на Цзян Лю и Ся Суйцзиня, развернулся и ушёл.

Ся Суйцзинь недоумевал: «Я ничего не сделал, почему он на меня злится?»

Господин Цзян также вздохнул:

— Если бы этот ребёнок был хоть наполовину таким послушным, как наш Сяо Лю.

Вечером Ся Суйцзинь устроил с Цзян Лю душевный разговор:

— Что происходит между вами с братом? Вы встречаетесь, как враги.

Цзян Лю улыбнулся:

— Младший брат считает, что родители ко мне благосклонны, поэтому относится ко мне с неприязнью.

Это была комната Цзян Лю. Они сидели на кровати перед низким столом, на котором стояла высокая ваза с ветками персика.

Ся Суйцзинь, играя с ветками в вазе, как бы невзначай спросил:

— Кстати, к кому твои родители ездили в гости? ... Почему ты не поехал с ними?

Цзян Лю почувствовал подвох:

— Ты снова пытаешься выведать у меня информацию.

— ... А что, если так? Скажешь или нет?

Цзян Лю отхлебнул чай:

— Не скажу.

— Ладно, я ухожу.

Ся Суйцзинь спрыгнул с кровати, но рукав его одежды был схвачен. Он обернулся и протяжно спросил:

— Чегооо?

Его голос звучал мягко, с нотками кокетства.

Цзян Лю сказал:

— Они ездили к бабушке и дедушке. Родители каждый год ездят туда, но я не могу ходить, и у меня слабое здоровье, поэтому меня оставили дома.

— Тебе не бывает одиноко?

Цзян Лю выглядел грустным, но быстро скрыл это, улыбнувшись:

— Иногда бывает. Как в этом году, мне стало одиноко, и я решил отправиться на корабле, чтобы развеяться. Рыбачил и случайно поймал тебя. Я был очень рад.

— Ха-ха-ха, это я должен тебя благодарить. Если бы не ты, я бы уже стал кормом для рыб.

Цзян Лю сказал:

— Это наша судьба.

— Хи-хи, протяни ноги, я их помассирую. Через пару недель ты сможешь ходить.

— Это... спасибо.

— Не за что. Это в знак благодарности.

Ся Суйцзинь сел на край кровати, поднял штанины Цзян Лю, обнажив его тонкие и гладкие ноги. Он сказал:

— Твои ноги отравлены. Кто мог быть настолько жестоким?

Цзян Лю ответил:

— Мама как-то рассказывала, что когда мне было три года, я мало что помню. Кормилица не могла родить сына, и её муж бил и ругал её. Тогда она возненавидела меня и подсыпала яд в мою еду. Когда яд подействовал, все врачи в городе Фэньюэ сказали, что меня не спасти. Но мой дедушка, который был хорошим врачом, приехал издалека и с помощью игл и лекарств вывел яд в мои ноги. Ноги стали бесполезны, но я выжил.

— Вот как... Это целая история.

В три года сесть в инвалидное кресло — это гораздо хуже, чем сломать ногу в семь лет.

Цзян Лю добавил:

— О моих ногах... Пока что держи это в секрете, пока я не вылечусь. Я хочу сделать сюрприз родителям.

— Не волнуйся, я не проболтаюсь.

Они ещё немного поболтали, и Ся Суйцзинь зевнул:

— Я устал, пойду спать.

— Подожди!

Цзян Лю остановил его:

— Уже поздно, родители дома, тебе будет неудобно приходить и уходить. Лучше попроси господина Юй Фана переехать в Усадьбу Персикового Цвета.

Ся Суйцзинь внутренне содрогнулся:

— О чём ты? Я не понимаю.

— Разве ты не выходишь каждую ночь, чтобы встретиться с господином Юй Фаном?

... Ладно.

Ся Суйцзинь смирился с тем, что его разоблачили!

— Говоря прямо, старший брат, когда ты понял, что я не потерял память?

Цзян Лю ответил:

— Врач сказал, что ты нигде не пострадал, почему же ты вдруг потерял память?

Ся Суйцзинь был ошарашен, и только через некоторое время осознал:

— Ты знал всё это время, но не говорил, чтобы наблюдать, как я пытаюсь скрыть свою личность? ... Цзян Лю, ты отличный актёр.

И он ещё думал, что всё скрыл идеально.

— Тогда ты, наверное, тайно проверял мою личность? Ну что, узнал что-нибудь?

В этот момент Ся Суйцзинь заметил, что взгляд Цзян Лю под ветвями персика был наполнен чем-то... вроде нежности, как весенний ветер, колышущий цветущие ветви, мягкий и спокойный.

Смотря на это, Ся Суйцзинь невольно погрузился в это чувство.

И в этот момент Цзян Лю сказал:

— Я не проверял. Потому что я думал, что однажды ты сам мне всё расскажешь.

Ся Суйцзинь почувствовал грусть.

Он чувствовал, что его подставили, попал в ловушку, а тот, кто её расставил, выглядел как святой. Ему хотелось дать ему пощёчину, но со стороны это выглядело бы как «неблагодарность», и он бы стал объектом всеобщего осуждения.

Поэтому он был в подавленном настроении.

За обедом госпожа Цзян с беспокойством спросила Цзян Лю:

— Что случилось с господином Цзинем? Ты его не обидел?

Цзян Лю ответил:

— Мама, не волнуйся, А Цзинь просто поздно лёг спать, поэтому не выспался.

— Вот ещё!

Он давно уже вернулся в свою комнату!

Ся Суйцзинь смотрел на Цзян Лю с ещё большим раздражением, ковыряясь в рисе. В этот момент несколько слуг вбежали в комнату, крича:

— Врача! Срочно вызовите врача!

— Второй молодой господин ранен! Осторожнее, аккуратнее!

Ся Суйцзинь оживился, бросил палочки и бросился смотреть на это зрелище. Увидев, как слуги тащат едва стоящего на ногах Цзян Аня, особенно его избитое лицо, он тут же рассмеялся:

— Что случилось? Не хватило денег в публичном доме или ты приставал к девушке на улице? Расскажи всё, господин Цзян и госпожа Цзян слушают.

Слуга дрожащим голосом ответил:

— Второй молодой господин остановил девушку с зонтиком и предложил ей поужинать. Девушка отказалась, и... вот что случилось.

— Ха-ха-ха — значит, приставал, но не получилось, и ещё получил по морде. Видимо, эта девушка не из робких.

Но девушка с зонтиком?

... Неужели это была Шэнь Линлун?

Господин Цзян ругал Цзян Аня за «неудачника» и велел ему идти в храм предков и стоять на коленях.

В полдень, когда солнце было в зените.

Ся Суйцзинь украл два булочки и половину жареного цыплёнка и пробрался в храм предков, чтобы сделать доброе дело.

Цзян Ань выпалил:

— Пошёл вон!

— Не надо! Твой брат послал меня, он знает, что ты любишь мясо, вот смотри! Этот жареный цыплёнок Цзян Лю попросил меня купить, а булочки... хи-хи, не злись, они для меня.

Всё это было выдумкой Ся Суйцзиня.

Цзян Ань усмехнулся:

— Я знаю Цзян Лю, он пользуется любовью родителей и всё время вставляет мне палки в колёса. Не может быть, чтобы он так добр ко мне.

— Что с того, что родители его любят? Глава семьи Цзянов не может быть инвалидом, который не может ходить.

Цзян Ань тут же широко раскрыл глаза:

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал. Ты станешь главой семьи, и тогда сможешь разобраться с Цзян Лю одним словом.

С этими словами он протянул жареного цыплёнка Цзян Аню и добавил:

— Ты уже целый день на коленях, отдохни. Не мучай себя.

Цзян Ань сразу сник, откусил большой кусок цыплёнка и, жуя, спросил:

— Ты ведь на стороне Цзян Лю, да?

Ся Суйцзинь рассмеялся:

— Нет, я посторонний, поэтому вижу всё ясно. Родители Цзянов сошли с ума, они благоволят к Цзян Лю на инвалидной коляске, а тебя игнорируют. Мне даже жаль тебя.

Но едва он закончил, Цзян Ань швырнул ему в лицо кусок жареного цыплёнка.

Ся Суйцзинь вытер жирное лицо и задумался: «Что я сказал не так?»

Но Цзян Ань был бледен, его кулаки сжаты, и он, казалось, готов был ударить.

Цзян Ань злобно сказал:

— Родители хорошо к тебе относятся, если ты ещё раз скажешь что-то плохое, я сломаю тебе другую ногу. И ещё, Цзян Лю считает тебя почётным гостем и заботится о тебе. Кто угодно

может называть его инвалидом, но только не ты!

[Переведены имена: Шэнь Линлун, Фэньюэ. Исправлены и унифицированы реплики, прямая речь оформлена через длинное тире. Убраны лишние восклицательные знаки и отредактированы многоточия.]

<http://bllate.org/book/16190/1452664>